

АНГЛИЧАНИН

повесть в двух частях

Роман Попов

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Тёмной ночью в энном количестве экземпляров перевозились ценности: нательные крестики, иконки, монетки, имперские образа. Всё тщательно скрывалось и маскировалось от досматривающих рук — от желающих найти что-нибудь необходимое, ведь в том и состоит радость всех досматривающих профессий: прийти к цели своей работы.

Под покровительством иностранного гражданина вся эта утварь и ценнейшее старьё разносились по аэропортам Пулково, Домодедово и Шереметьево поставщиками и дельцами. Для перевоза через границу нужно было доверенное лицо. Павел Сергеевич Хайдер и был таким добытчиком для иностранных лиц — немецких бюргеров и лондонских лендлордов постмодерна. Со всех прилавков суздальской земли, псковщины, новгородчины и земли московской добывал он у бабушек и дедушек артефакты. Человеком он был ценным: в отличие от прочих граждан, годных лишь для связи, он был историком. Глубоко умный и благородный с виду, своё имя он произносил не иначе как «Пауль» и расхаживал в дорогом костюме по московским дворикам, производя важную научную работу. Одет он был несколько несвойственно своему времени: сидел на нём чёрный костюм с бабочкой. Седой, полный, с завитыми усами, он, как барин, расхаживал по просторам Москвы и других городов.

Такого специалиста в области ливонского рыцарства и Мальтийского ордена было не сыскать,

да и по другим периодам был он мастером — одним словом, кандидат исторических наук. Вёл лекции в Екатеринбурге, любил там бывать. И, самое главное, имел чрезвычайный доступ ко всем ценностям! Без него не могла состояться ни одна серьёзная выставка — будь то в Эрмитаже или где ещё. Денег в научной среде водилось обычно мало; не сказать, впрочем, чтобы ему мало платили: мог он себе позволить и хорошую квартиру недалеко от центра Москвы, хотя и не имел никого, кроме тётки в глуши да коллег. Но вечно душило его чувство, что платят ему недостаточно — слишком уж он серьёзный специалист. И в поисках средств он готов был иногда пойти на авантюру — скрытую, в которую и угодил 23 июня 2xxx года.

И вот он провёл очередную лекцию перед огромной аудиторией; она завершилась, все спешно покинули зал, устремившись — кто хвастаться своей исторической заинтересованностью, кто просто вдохновлённый услышанным. Павел отправился к себе домой через зелёные московские дворы. Через день он собирался ехать в Новгород: там его ждал ценный артефакт — кольцо, потерянное Невским. Оно было выкопано, вычищено и уже дожидалось в музее тщательного осмотра специалистом.

По пути домой думалось ему, по обыкновению, о том, какого он величия. «Как они двигают своими нецивилизованными челюстями и вертят глазами! А тот человек, что задал мне вопрос об отдельном пути развития русской культуры! Она идёт ниоткуда, как не с Запада, и именно оттуда следует отсчитывать конец нецивилизованности, варварства русского

дикаря и превращение его в цивилизованного человека. Если и есть у этой культуры особый путь, то только тот, что описал Чаадаев». Он давно думал, что это должно когда-нибудь закончиться. Когда-нибудь — здесь и сейчас. Он шёл через Пресненский парк; из травы вырастал колосс русского богатыря. Павел искривился, как всегда, глядя на этот образ. Усы его подёрнулись, как у таракана перед тапком. Он на дух не переносил всего, что, по его мнению, передавало русскую варварскую самобытность, — но этого не выдавал! Держался всеми силами и на публике, и даже в душе. А между тем стояла прекрасная пора!

В восемь часов вечера можно было глядеть на идущие толпы; всё светилось после дождя, который наш герой переждал в лектории. И дорожки, вымытые небом и московским клинингом, светились. Он сел, по обыкновению, на лавочку — поправить костюм и посмотреть, сколько времени. Старик-то спешил домой!

— Уродливый русский гном, не так ли? — слышался голос.

Кто мог читать его мысли? Ведь вслух он ничего не произносил. От страха Павел Сергеевич приоткрыл рот, так что лицо его исказилось. Перед ним стоял человек, одетый совершенно не по-здешнему: синий костюм, всё блестело и лоснилось. Человек с таким произношением мог быть не иначе как из того дома на Смоленской набережной! В руках он держал конверт и какое-то странное кольцо, а на кольце был изображён знак ордена тамплиеров.

— Павел Сергеевич, вы меня извините, — начал он со старинных слов, — я был на вашей лекции. Вы выдвинули просто замечательное предположение!

— Доброго вам вечера! Чем же вас так заинтересовало моё выступление?

— Дело в том, что сформулированный вами тезис о необходимости католизации Руси замечателен! Ведь это же чудесно: Руси вовсе не был нужен Александр Невский — Ливонский орден установил бы истинную веру и привёл бы Русь к рождению новой культуры!

Павел сознавал, что гражданин этот весьма подозрителен — с бегающими, как мыши, глазами. Но подозрений тот вызвать не мог, потому что именно на этой лавочке Павел и встречался с гражданами крайне подозрительными. Все ему носили — кто иностранную монетку, кто старую банкноту, список, ценный документ! Но всё то бывало по согласованию, а с Паулем никто не списывался! Однако человек он был догадливый и известный, и второе хорошо дополняло первое. Разговор этот не вызвал у него никакого подозрения: он и сам знал, что своими речами привлечёт кого надо. Но мысли? Как он до головы моей добрался?

— Меня зовут Дэниэл. Работаю здесь неподалёку. По вам я вижу, что вы готовы меня выслушать и прелюдии вам не нужны, — перейдём к главному...

Павел почувствовал нервный бег по спине, чёткое биение сердца и скорое предрешиение своей судьбы.

— Вот она — слава, деньги, иностранная, международная известность...

Но! И это «но» пугало его, как нож со спины. «Это же измена! Страшнейший грех!»

И тут — надо отдать душе его должное — что-то в нём воспротивилось. Ему вспомнилось его детство: рано оставшись без отца и матери, он был взят на воспитание тёткой. Тогда ещё он увидел у неё на стене икону и спросил, кто это там. И она своим тихим голосом ответила: «Там наш Хранитель». И весь этот дух его забытой старины словно ударил ему в грудь, но он холодным решением отринул это.

И тут явился другой дух и спросил: «Что же тебе дало это детство? Ничего! А жизнь в университете, а эта обременительная работа за гроши? Ты нужен другой стране, в которой тебя оценят и примут».

И голос этот был сильнее, потому что говорил не первый год.

«Но я однажды изменил своим принципам — изменю и самому святому. Поправ память их Невского, которого они так чтят, я распну в себе его остатки».

И тут он понял, что пойдёт на это ради чего угодно, — деньги были уже не главным.

— Вас недооценивают. В этой прогнившей среде не может быть честной оплаты труда. А у нас — есть! — значительно повысив голос и дьявольски засверкав глазами, отрезал Дэниэл.

— Чего же вам нужно?

— А вам всего лишь нужно будет отдавать мне определённые экземпляры, которые я укажу.

Павел значительно испугался.

— И прошу вас: никто ничего не узнает. Всё в ваших руках — деньги, уважение, дом в Англии.

И Павел верил; он знал, что тот — он самый и есть! Ему-то доверять можно!

И тут конвертик раскрылся, и королева заблестела на июньском солнце. Там было пятьсот фунтов. Достаточно — слишком.

Но вы зададитесь вопросом: почему конверт не вызвал подозрения? Во-первых, обратимся к обстоятельству постоянных встреч Павла Сергеевича. Во-вторых, он был знатным бонистом: любил эксклюзивные марочки, фунтики, доллары со всякими значками. И та самая королева ни у кого не вызывала вопросов. Историк, бонист, на лавочке — да сейчас все на лавочках сидят! И самое главное: Павел Сергеевич недавно был возле памятника Шерлоку Холмсу и глубоко был связан с посольством — об этом знали все. И последнее обстоятельство: диалог их постоянно шёл между строк, с улыбками и анекдотами. На конверте была надпись: «Выпуск 200х года, эксклюзивные».

Этот историк готов был и сам, без денег, идти на компромисс — зачем тут деньги! Но с ними и с авторитетом всё выходило по-другому: он, западник, лектор центра в Екатеринбурге, — теперь крупный финансист и владелец, лендлорд и рыцарь.

Итак, английский посол решил этим предложением внести первоначальный взнос. Он имел богатый опыт работы с людьми, и деньги работали всегда.

Теперь Павел обязывался доставлять ему все артефакты. Нужно было лишь ждать его человека в назначенный час, предварительно подготовив артефакт в тщательно сохранённом пакете. Сама схема была довольно проста: подменять артефакты заведомо ложными, но очень искусными подделками,

изготовленными по дубликатам. Это могла быть работа всей его жизни и сердца, но с чёрным сердцем она стала лишь работой его жизни.

Немного прогулявшись и удостоверившись, что никто не может их слышать, они заранее обозначили адрес квартиры и время.

— Вот вам моя первая просьба! У меня для вас есть кольцо.

На нём сверкал лик святого, но само оно было всё выцветшее и обожжённое.

— Это кольцо вам нужно будет поменять местами с настоящим. Дело в том, что вас вызывают как эксперта; после раскопок вам дадут время и уединение, чтобы разобраться с кольцом. Видеть вас никто не будет, в этом я вас уверяю. Вы подмените кольцо и прочтёте достопочтенным лекцию. А кольцо будет между тем ваше.

Несмотря на то что в этих сокрытых от посторонних помещениях собирался иногда целый консилиум, Павел знал: бывает две-три минуты, когда посторонние лица отходят от дел. Знал он и то, что экспонаты могли отсылать в Москву для проверки, — там-то всегда и появлялась возможность сделать эти дубликаты. Было ясно, что у британцев и оказались эти дубликаты со всеми параметрами: точная копия была изготовлена и передана.

А историк наш слушал англичанина во всех подробностях и деталях — о времени, когда доставят ценный экспонат, и о местах хранения — и сам ему удивлялся, будто тот был его научным руководителем. Между сторонами была абсолютная

уверенность, что сделка состоялась, а посол был уверен, что клиент не уйдёт.

— А всё-таки, как вы узнали, о чём я думаю? — спросил Павел.

Сэр Дэниэл показал пальцем на мизинец с кольцом.

— Теперь вам будет понятно, — добавил с гордой улыбкой англичанин.

Итак, кольцо было отдано, а Павел готовился к поездке в Новгород.

II

По улице энной рано утром, за день до поездки, шёл наш герой в архив. Там встречались ему разные толпы людей: одни казались ему убийцами, другие — ворами.

«Чудится, что ли? Такого со мной ещё не было!»

Хочется отметить, что ещё с утра он почувствовал себя как в бреду: в нём как будто что-то умерло. Он рано проснулся в то солнцестояние и застал красную зарю. Тихий свет. Но в душе он чувствовал мрак, от которого не мог спрятаться никуда. Мрак сопровождал его везде; ему он молился и был верен ещё тогда, когда возненавидел всё вокруг, — а теперь сам стал его частью.

И вот вагон метро высадил его у здания архива: по своему допуску он должен был работать с одним документом. Поработав с ним, перелистав слипшиеся листки этой башни листов, он отправился домой. Дома Павла никто не ждал. Он был человеком одиноким, как говорилось ранее, — оттого гордым, а может быть, и наоборот: гордым, потому и необщительным в быту. Наука история будто издевалась над ним: в школе он увлекался лишь ею, но интересовала его именно гадость родной истории, а западное, английское было для него примером для подражания. Может быть, поэтому на его стене висел портрет Елизаветы Тюдор.

Откуда взялась в нём эта ненависть — он и сам, пожалуй, не сказал бы. Началось, должно быть, ещё в университете, когда молодой и бедный Хайдер, в

единственном пиджаке с чужого плеча, впервые попал на приём с иностранной делегацией. Там всё блесело и говорило на чужом языке, и его, лучшего на курсе, никто не заметил. И он решил тогда про себя, что незамеченным остался не потому, что беден, а потому, что родился не там. С этой мыслью жить было легче: она перекладывала вину с судьбы на землю, на которой стоишь. А земля — что ж, земля стерпит.

Он и вправду был того мнения, что Новгород и Псков должны были быть окатоличены. Тщательно маскировался он под истинного любителя своей истории, но втайне всё ненавидел и презирал. Оттого и зародились в его душе мрак и отчаяние. А тут ещё и страшный портрет к вечеру покрылся тенью; по улицам Москвы поползли тучи и скрыли свет.

Разлив чай, он услышал стук в дверь.

Лицо его подёрнулось, а сам он пошатнулся. Был тёмный вечер; чайник разбился, разлетевшись на фарфоровые осколки. В смятении, одевшись, он выбежал и ждал участи...

А там, за дверью, его ждал!..

— Здравствуйте, Павел Сергеевич!

Всё будто погасло, и обычный белый цвет кожи вернулся к Павлу. За дверью стоял его студент, Иван Самойлов.

Отворив затвор, он принял гостя.

— Вы извините, профессор, но я тут проездом в Москве, а завтра мне уже во Владимир. Ну как я могу не навестить профессора — своего первого, с первого курса!

— Что вам угодно?

Павел не относился к нему с теплотой, но что-то стыдное просыпалось в его душе. Мысль, что, быть может, он предаёт своё дело, мелькнула в его голове. Но он откинул её.

Дело в том, что Иван имел привычку заходить ко всем в гости. Его не волновала мысль, что, может быть, кто-то спит в этот час, а кто-то ему не рад. Это был человек шумный, резкий и, пожалуй, никогда не унывающий. Он глубоко уважал учителей как медиаторов знаний, но любил с ними спорить, и это сочетание — отсутствие всяких ограничений и любовь к спорам — странно уживалось в нём.

— Да как же так! Да что была бы Русь без Невского!.. Да его Бог послал на землю!

— И вы вправду верите в небылицы! А зачем Руси нужно было иго? Разве Польша была под ордынским сапогом? Нет — а всё этим спасается, — как обычно, едко возразил Павел.

Иван Самойлов как бы пытался переубедить его: может быть, появятся в нём светлые мысли. Но Павел чувствовал свою значительность, гордость и гнев, а это мешало ему что-либо воспринимать.

А вообще он торопился — и совершенно забыл об этом.

— Доброй ночи вам! Вы, наверное, опоздаете!

И Павел начал собирать его вещи, чего не делал в жизни: дал ему в руки зонтик, вручил сумку и чуть ли не выставил студента.

— До свидания, Павел Сергеевич! Вы меня извините! Я тут проездом, да и редко бываю, а вас я...

И дверь захлопнулась.

Свет погас. По городу поползли тени, как кошки.

Ему слышались пьяные возгласы — как оно и бывает у жителя спального района.

— А-а! — кричало пьяное лицо, и звук его криков отражался во всём дворе. — Нет Бога, и не накажет он меня за то, что я пью! Да пропади пропадом весь мир! Доброты не существует, одна злость и подлость в мире вечны! Тебя нет! Тебя нет!

И вдруг лицо нарисовало на фанере круг, написало «бог» и плюнуло шестикратно.

— А теперь убей меня! Докажи, что тебя нет!

В небе явился фиолетовый разряд молнии; он раздавил воздух, и удар пришёлся на землю.

Павел взглянул в окно и узнал лицо своего соседа — доктора философских наук, доказывавшего, что понятие высшей справедливости лживо. Теперь тот лежал лицом в грязи, а по телу его барабанил крупный дождь. Лицо барахталось в грязи и искало свет.

Это красное, но гордое лицо в белой рубахе совсем не вязалось с тем оборванцем со двора.

Он упал навзничь, и его полуголое тело покрылось водными потоками.

III

Утро. Очередной стук в дверь.

— Старший сержант Глызин. Вы не видели ничего подозрительного?

— Да вроде бы... пока ничего.

— Вчера в вашем подъезде нашли тело...

Тут Павел понял, что речь идёт о философе, и подробно изложил картину.

Предоставив нужные сведения, он удостоверился, что ехать ему можно, а для дальнейших мероприятий он приглашён не будет.

И всё-таки, несмотря на мысль о том, что он легко отделался, он чувствовал это странное сопоставление: философ — пьяница — молния. Ему впервые стало очень страшно, ноги его подкосились, но нужно было выдвигаться в путь.

Путь его лежал в древнюю новгородскую землю — там и нашли ценный артефакт. В Москве его оставить никак не могли: артефакт принадлежал другой земле, а учёным ничто не мешало проводить все процедуры и исследования в родной для экспоната, да ещё и прекрасной исторической среде древнего города.

Доехав до места назначения, он удостоверился, что всё подготовлено для авантюры, и начал выступать.

Его встретили холодный новгородский воздух, сырость и что-то болотное. Город был сам по себе очень небольшой — вроде деревеньки цивилизованной. Но всё-таки это город храмов, первая столица, между прочим. И в воздухе порхало

это чувство забытой старины, недосказанности; оглох этот город — как колокол: вырвали язык, так и оглох!

Недалеко от места парковки находился музей, где и необходимо было провести профессиональный анализ.

Сначала были формальности: встречи, фото с раскопок. Потом он провёл длинную лекцию о происхождении этого кольца — и так далее.

Но затем ему действительно выдалась минута, когда можно было подменить кольцо.

Совсем никто его не видел. Оглянувшись вверх и вправо, он не увидел ни камер, ни слежки.

Вот то мгновение, о котором говорил шпион.

И он вынул закоптевшее старое кольцо из пакета. Руки его дрожали, весь он нахмурился. И этими скользящими руками, оставляя отпечатки, он переменял кольца.

А ведь действительно — разницы не было никакой. Где оно так точно было изготовлено? На каком дворе? Это кольцо Александра Невского!

Тут его поразил возглас:

— Ну, как вам экземпляр?! Я сам им говорил, чтобы копали. Металлоискатель в тех местах был точен! А я, как обнаружил, сразу послал вест в министерство.

«Там, наверное, есть свой человек, что передал его английскому двору. А может быть, это и сам шпион? Хотя о чём я думаю — почему же я действую так быстро и слаженно? Времени дал точь-в-точь, чтобы подменить».

А человек тот был Фёдор Никитич Вильнов и никак ни с чем связан не был. Время он дал из своего

простодушия. При этом стоит отметить, что человек этот был простодушен и умён — что редко встречается. Настоящий мастер своего дела, он в течение двадцати лет руководил раскопками и не бросил своего дела, несмотря на крохотную зарплату. Искренне он был уверен: кольцо — в руках профессионала!

Но «в руках профессионала» не значит «в надёжных руках»!

Выйдя из музея, он сразу же пошёл в свой отель неподалёку. Но никто в таком городе не станет сидеть в четырёх стенах, и он отправился гулять. Ходил долго, смотрел хорошо известные храмы: Спас на Нередице возвышался над полем, как белый корабль над морем травы; церковь Успения на Волотовом поле напоминала творожную пасху на изумрудной скатерти; а детинец был обширен. Софийский собор стелился своими кривыми башенками — и всё тут давно погасло: жизни здесь нет с XV века.

И вот, как бывает после долгого гуляния, он заснул.

IV

Был 1242 год; шла немецкая оккупация Пскова. Павел был в одежде немецкого рыцаря; всюду горели дома, сараи были развалены. В одном окне теплился свет — там остались маленькие дети. К нему подошёл длинный рыцарь; на нём был шлем, закрывающий всё лицо, и белый щит с чёрным крестом. Он говорил властно:

— Поджигай дом! Быстро!

И рыцарь дал ему факел; тот теплился на чёрном снегу и освещал кровавые пятна.

Павел пошатнулся; он снял шлем и на своих кованых перчатках увидел кровавые пятна. Он пошёл к дому и остуился; факел покатился по снегу, но не потух. На него смотрели зелёные блестящие глаза рыцаря. Вдруг тот снял перчатку и бросил её на снег — оголилась рука с перстнем.

В этой руке он узнал Дэниэла. Рука властно и со злостью указывала на дом.

Он пошёл к дому. Там от светящейся лучины теплился свет и расходился от мрака. Младенцы лежали, укрытые лишь одним грязным балахоном. Родители были недавно убиты и лежали возле сена. Он осветил этот деревянный дом факелом и поднёс его ещё ближе к деревянной кровле, чтобы запалить.

Тут он услышал ржание лошади: русский конный воин держал меч у его шеи.

Он выбил факел мечом и направил остриё к горлу.

На него смотрело мрачное лицо, блистающее из-под покрова ночи.

— Где кольцо? — спросил воин.

И тут он увидел, что конник этот — Александр Невский.

— Где кольцо?! — кричал князь.

Павел онемел от страха и не мог ни двинуться с места, ни сказать ни слова.

Александр взмахнул мечом и отрубил ему руку. Отрезанная десница оставила багровый след на снегу. Князь навёл наконечник на мизинец и снял с него кольцо. Он вынес кольцо на свет и начал осматривать; на нём отражались снег, грязь и кровь. Александр надел его на мизинец своей правой руки.

— А теперь отвечай: где твой государь!

Повторив это многократно, князь взмахнул мечом...

Павел проснулся... Правая рука его сильно болела... Была глухая ночь, и по стенам бежали тени.

Он нашёл кольцо и хотел было выбросить, но оно начало светиться, и всё-таки наш герой не решился этого сделать.

Он лёг обратно, но засыпать было страшно.

Павел Сергеевич проспал ещё до утра.

V

Проснувшись, он решил ехать. Но ехать было необходимо ещё и потому, что его ждали...

У порога его уже ждал человек. Он был в простом костюме, и на лице его было написано, что он, мол, торопится и делать всё надо немного быстрее.

— Вы от Д.?

— У вас в столовой прекрасные шторы! — обозначился незнакомец.

Это был проверочный код, обговорённый ещё на первой встрече, — с ним он мог переступить порог.

Имя незнакомца знать совершенно неважно — он и не назвал его при встрече: просто молча зашёл в квартиру и забрал приготовленный для него пакет с кольцом, удостоверившись, что там именно оно.

Хайдер почувствовал некоторое облегчение. Всё миновало, ответственность теперь не на нём, и беспокоиться не о чем.

Он знал: этот человек был закуской, а к вечеру пожелует главное блюдо!

VI

Как и было обговорено, в шесть часов вечера Павел Сергеевич ждал прихода Дэниэла. Тот уже шёл из своего домика. Вообще, был он человеком скрытным, мнительным, но умел чем-то приворожить людей и вызвать к себе несказанное доверие: всегда общительный внешне, гостеприимный и очень воспитанный, он был мастером своей работы. Родился он в Уэльсе, в маленькой, но аристократической семье. Отец его был резидентом рыцарского ордена — оттуда он и понёс на всю жизнь это колонизаторское бремя. В школе его интересовали крестовые походы; он часто сравнивал себя с рыцарем-крестоносцем и всегда мечтал соответствовать этому образу. И вот это лицо поднималось по московским лесенкам.

В квартире номер шесть раздался звонок.

— Несказанно рад моему приятелю! Мне выпала большая честь работать с вами! — сказал англичанин.

На стол была поставлена бутылка виски. Этикетки с переводом состава на ней не было, но была она какая-то...

— Из Уэльса привёз... Вкус водорослей раскрывается при втором глотке. Мы пьём немного.

И этот акцент на «мы» был сделан так деликатно, что было ясно: он обозначил особенностью «их» утончённость, цивилизованность — в отличие от...

А в напитке действительно почувствовались водоросли, характерные для него.

— Будем с вами честны, — продолжил уроженец Уэльса, — вы не знаете светской жизни, настоящей! Я хочу этим же вечером пригласить вас туда, где мы собираемся. Будьте уверены: платить вам ни за что не придётся.

Они отправились по улицам Москвы.

Где-то шла стройка, и фасады были завешаны; толпы самокатчиков колесили по дорогам, не давая возможности не то что идти — мирно сосуществовать!

Текла Москва-река, показывались высотные массивы Нового Арбата. И вот коллеги подошли к Смоленской набережной.

Показалось знакомое колониальное здание. Господа вошли под флагом Соединённого Королевства.

— Such honour to see you at our dinner!¹

Слышалось ему вокруг; все знали его и были любезны с ним. Он был званым гостем, и от чувства этой значимости у него впервые за долгие годы появился трепет.

В большой зале уже постелили белоснежную скатерть. Заиграла музыка — живая и классическая; точнее будет — sharp and classy².

Велись диалоги, длинные и на английском; иногда были видны насмешки — скрытые и очень тонкие.

К Павлу подходили, жали руку. Один сухой господин с орденской ленточкой долго расспрашивал его о ливонском рыцарстве и, выслушав, сказал: «Вы удивительно хорошо говорите — для русского». Павел

¹ Такая честь видеть вас на нашем обеде! (англ.)

² Остро и стильно (англ.)

поклонился и принял это за комплимент. Он вообще в тот вечер ничего не замечал: он был счастлив.

Официанты бегали между столами и разносили блюда.

Ростбиф с йоркширским пудингом, пироги с почками — всё мясное и кровяное валили на стол, а гости, словно хищники, рыскали по полю в поисках жертвы. Англичане своими правильными челюстями вкушали плоть телят и пили кровь, запечённую в соусе.

Павел Сергеевич сидел рядом со своим покровителем.

— За великую Британию!

— Cheers!³

Так они опустошали бокалы.

— И всё-таки какая правильность и какой этикет заложены в этой процедуре! — сказал Дэниэл. — Мы следуем ей больше, чем кто-либо. И вы тоже скоро станете её лицезреть: в Вестминстере вам готовят поместье — такое же, как здесь. Только подумайте: без русских!

— Я многократно благодарен за эти дары! — ответил Павел.

— Господа! — сказал Дэниэл. — Среди нас талантливейший историк, Павел Хайдер! Ему всегда есть о чём сообщить!

Тут Павел почувствовал себя невероятно свободным, чтобы высказаться.

— Леди и джентльмены! Прежде всего стоит помнить, что история — наука сложная и интересная, которой мне посчастливилось заниматься более

³ Ваше здоровье! (англ.)

тридцати лет на уровне кандидата наук. За это время я понял: история учит следованию путём цивилизации. Но достойна ли жизни та страна, что не следует ему? Ответ мой будет понятен: такая страна не имеет права сосуществовать с развитыми государствами.

Все поддержали его слова; раздались восторженные лозунги поддержки.

Было ещё много оваций и всего прочего, но подходило время расходиться.

После фуршета Павел и Дэниэл договорились о следующем.

— Это будет последнее, о чём я вас попрошу! Больше от вас ничего не потребуется. Завтра вы покупаете товар, послезавтра мы забираем его, а на следующий день вы летите в Лондон. Дольше вам находиться здесь опасно: я рискую своей и вашей безопасностью.

— Что же я должен сделать?

— Во-первых, вы поедете в Суздаль с моим проводником. Он придёт к вам в девять утра, и вы отправитесь на его машине. Он вам всё подробно и расскажет. И помните: никому не говорите о вашей экспедиции — пусть это будет просто больничный.

Павел, расставшись на этом слове, пошёл восвояси.

VII

По пути встречалось ему множество пьяниц; улица была преображена ночными гуляками. Было сумеречное время, но нельзя было понять, что сейчас ночь: с одной стороны надвигались багровые небесные полчища, с другой — ещё светилося золотом солнце. Павлу Сергеевичу казалось, что все на него странно смотрят. Когда он шёл по тёмному переулку, навстречу вышло чудовище с чёрными глазами; подойдя ближе, он разглядел мужчину с чёрными волосами — и замер в этом взгляде. По лицу Павла пробежал мертвенный страх. Мужчина смотрел на него некоторое время, а потом отошёл в сторону.

Он дошёл до своего дома и со страхом закрыл замок на ключ. Свет долго освещал комнату, но вот и он погас.

Спальню озарила темнота. В ней будто вырос невидимый тёмный лес, в котором спал историк; впрочем, засыпая, он всегда ощущал себя в этом лесу.

Наступила ночь.

Он увидел, что из форточки к нему лезет кто-то рогатый; присмотревшись, он понял, что лицо это похоже на философа. Кровавые клыки светились в темноте.

— Не убьёшь!

Вдруг в его же квартире появился человек с львиной головой; в руке он держал палицу, и от него исходил синий свет.

Лев подошёл к демону и проткнул его живот когтями. Ручеёк крови брызнул в стену. По обоям поползли кровавые потоки.

Он поднял над собой оторванную голову с рогами и указал когтем на Павла. Тот, укрываясь запачканной кровью простынёй, в испуге натянул её на лицо.

— А теперь отвечай: где твой государь? — зарычал лев. — Отвечай!

Павел Сергеевич проснулся в оцепенении; ещё долгое время кошмар вертелся в голове, и он не мог встать.

Он включил свет — кровавых разводов нигде не было. На кухне слышался шорох; ему стало страшно: он чувствовал чьё-то дыхание за спиной.

И даже когда выключил свет, он ощущал что-то тёплое.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Иван Самойлов был чрезвычайно рад встрече с преподавателем. Но мысль о происхождении и предназначении не давала ему покоя. В чём проявляется смысл мироздания? Кто такой Бог? В этих вопросах он не мог удовлетвориться наукой: она давала исчерпывающий ответ, но не отвечала на суть вопроса. Из Москвы он отправлялся на поезде во Владимир, а уже оттуда — в Суздаль.

Стоит сказать, что Иван был человеком научным, но не религиозным; однако его мучили вопросы о том, кто управляет этим миром и в чём проявляется его смысл. Несмотря на все качества, способствующие хорошему общению с людьми, друзей он вовсе не имел. Он просто не мог себе представить, как можно найти общение в играх и компьютерах, — это такая скука!

— А вы лучше оглянитесь вокруг! Да не будет ничего этого через десятилетия! А оно — останется! Зачем временное, если есть бесконечность!

Обычно от таких разговоров собеседники его разбегались, как дикие животные от охотника. Ибо общество любит сплетни, насмешки, модные вещи, а не вечное и светлое. Человек в силу своего положения любит более тёмное и мрачное, нежели светлое, — обусловлено ли это его доступностью или нескрытостью; а свет нужно добыть, оттого он и сложен. Но что в мире первичнее — свет или тьма? С вселенской точки зрения — тьма, а с человеческой — свет. Как раз узнать об этом и приехал наш герой —

спросить у настоятеля монастыря. А приехал именно в Суздаль: чуял, что там узнать об этом будет легче. И проще.

И вот после путешествия по Золотому кольцу и Москве его ждал Суздаль, а затем — родной город Хабаровск. Иван бывал в Москве чрезвычайно редко и после посещения Суздаля собирался сесть на поезд в восточном направлении — оттого так и прощался с профессором. Во время всех походов Павла Сергеевича Иван жил во Владимире; там и разгорелось в нём желание ехать в Суздаль.

И вот он сошёл на простую суздальскую землю. Берёзки светились вдалеке. Лёгкий ветерок прошёл по полю. Всё в этом вечере было приятно: и как разносится дым от избушек, и как играют дети у маленьких домиков. И вообще это был город приятный и очень деревенский. Путь Ивана лежал в Ризоположенский монастырь.

II

В три часа дня в комнате Павла Сергеевича всё было подготовлено для прихода гостя. Он сделал уборку, отобедал, потом опять сделал уборку и ждал; потом опять что-то сделал и ждал. Но гостя всё не было... Он вышел в подъезд, и там его ждал человек лет тридцати в шляпе.

— А я к вам сегодня за книжечкой!

В ответ на этот пароль Павел довёл его до квартиры.

Павла мучил вопрос: либо им не говорят адреса квартиры — только дом, — либо нужно, чтобы ты сам пустил гостя через порог. Второе подходило больше всего.

Мужчина представился Василием Ивановичем Стужевым. Был он дюжего роста, с длинным лицом и одет непременно по-туристически.

Того же он просил и от Хайдера, и тот нехотя расстался со своим нарядом. Все прекрасно понимали: ходить по деревне в костюме будет странно. Они немного поговорили о чём-то обыденном; Василий интересовался, как спал историк, что ел, куда ходил, какое у него настроение, — в общем, говорил с ним как с настоящим другом.

— Давайте проговорим условия, — начал Василий. — Сейчас мы едем в Суздаль на моей машине. Когда приедем, вам нужно будет купить икону, на которую я укажу. Вы купите её за свои деньги, а потом, обещаю, сэр отдаст вам в пять раз больше. Затем порядок действий вам известен.

— Я могу зайти в монастырь неподалёку? — спросил Павел.

— С какой целью?

— У меня там тётя в монахинях служит.

Вопрос был согласован с Дэниэлом, и последовало согласие.

Оба выдвинулись.

Поездка для Павла была довольно удобной. Во-первых, вся система приёма пищи была оборудована прямо в машине, чтобы избежать остановок. Каждая секунда была регламентирована. Через каждые десять минут Василий справлялся о том, что делает Павел Сергеевич: не захотелось ли есть, пить, не скучно ли, не затекла ли нога.

Так они приехали к месту назначения.

Припарковались рядом с монастырём. Выйдя из машины, двинулись к месту, где продаются старые иконки и утварь.

Взор Василия пал на старую икону Божьей Матери. Василий показал на неё.

В дело вступил Павел.

— Сколько стоит?

— Десять тысяч двести.

— А откуда она? Почему так дорого?

— Это девятнадцатый век. Перед ней многие молились. Висела она в здешнем монастыре.

Продавщица завернула тяжёлую выцветшую Богоматерь.

Об этой иконе сообщил Дэниэл: его эксперты донесли, что есть чудотворная икона, которая продаётся на обычном прилавке в Суздале. Нужно было всё проверить с помощью специалиста, которым

и оказался Павел. После тщательного осмотра он мог дать ценное заключение.

Они убрали икону в багажник и пошли к монастырю.

Путь им преградила босая женщина в чёрной одежде; лицо её выдавало признаки безумия.

— Вот твоё колечко! Держи, милый, — заслужил.

Павел пошатнулся; лицо Василия тоже перекошилось.

— За что оно нам? — спросил Василий.

— За то, что Христом торгуете. Матерь Божью в сундучке не увезёшь! — сказала она, и рот её исказился кривой улыбкой.

Павел потерял дар речи; женщину увели какие-то люди.

Блаженная.

— Паша! — слышалось ему.

Женщина в чёрной одежде вышла к нему навстречу.

Это была женщина лет восьмидесяти; лицо её покрывали глубокие морщины, но сама она светилась от счастья. Глаза её были влажными.

Они отошли в сторону, а Василий остался у входа в монастырь.

— Как живётся тебе здесь?

— Пока Господь миловал. Мы люди Божьи: трудимся изо дня в день, а Господь за труды наши посылает отдых. В труде есть великий отдых; лень сама по себе ноша. Но злое действие хуже лени... Чувствую я: не то с тобой, сердце мне подсказывает. Я ведь тебе как мать — ты, помнишь, матери лишился

тогда, и я воспитала тебя с самого детства. Всегда я чувствовала в тебе всё — и теперь, Паша, чувствую.

Павел был сильно напуган этими речами. Его пугали эти события, и он ощущал смятение.

— Но знаю: я дам тебе этот крест — сохрани его. Чует сердце моё... Пусть крест этот будет долгом моим.

Тут Павел окончательно испугался; он взял крестик, распрощался с тётей и хотел было уйти, но был встречен Самойловым.

III

Иван уже в течение двух часов разгуливал по солнечному городу. После прогулки он решил зайти в Ризоположенский монастырь. С первого шага он услышал голоса молящихся: здесь шла настоящая жизнь, лишённая обсуждения способов зарабатывания денег, зарплат и других ненужных вещей.

Там, вдали, пел голос. Всё было освящено этим чудным пением; свод возвышался над пространством и алтарём. И при этой возвышенности он почувствовал какую-то закрепощённость.

«Люди выполняют все эти обряды, а света не видят. Вот же он — под потолком».

Все постоянно крестились, а на Ивана, который только и делал, что смотрел в потолок, поглядывали искоса. И это странное сочетание святой молитвы и горделивых верующих поразило его.

«И вот опять: люди веруют, но вершины не видят. Опять объяснить пытаются — и не могут».

Ему захотелось спросить кого-нибудь об объяснении, но ответил лишь священник: всё, мол, от грехов твоих. И это указание на грехи не понравилось ему.

— Грех ведь — не проблема наша, и общество не грешно изначально. Это искажение, а не нормальное поведение. Чтобы от этого отойти, не надо думать о грехах всё время.

Эти речи возбудили негодование батюшки, и слышать всего этого он не хотел.

И тогда Самойлов пошёл по тропинкам монастыря; шёл довольно долго, пока не встретил одного мужчину, сидевшего на лавочке.

— Что, Иван, тоже смысл ищете?

Это слегка отдалось в его ушах, и он обратил взор на этого человека.

Тот был совершенно обычного вида и роста; выдавалась в нём лишь чёткая, ясная речь.

— Кто вы? — спросил Иван.

— Я человек, как и ты. Я пытаюсь найти во всём смысл. Служил я в здешнем монастыре, но этим мой путь и закончился. Ведь я им говорил о разных религиях: во всех славят одного Бога, а все Его пытаются исказить. Всё это — разделение. За годы свои я пришёл к тому, что в какую церковь ни пойдё: впустит Бог, а выгонит человек. От его ума все последствия.

— В чём же ваш смысл?

— В преображении. Всё просто: вся работа нас учит. Разные люди нам на свете попадаются; мы с ними встречаемся, говорим; много есть случаев в жизни, а после всего этого — преображение. Переход из одной формы вещества в другую. И в конце этого перехода — Бог.

— Как это интересно! — сказал Иван. — Я этого и ищу.

— Вот вы и нашли, потому что искали. И я вас искал. А всё-таки мы пришли к смыслу — это Бог. Все Его доказать пытаются; Фома Аквинский доказывал, но сам потом сказал, что труды его — чепуха. Всё оттого, что существование Его не нужно доказывать: оно по сути своей факт. А вот люди про

справедливость говорят, что нет её: в бедности прозябают лучшие, а ужасные кормятся золотом. Но немногие понимают, что в мире всё перевёрнуто. Роскошь во зло — человека она только разлагает, а простота возвышает. Но не стоит доходить и до крайности: благой человек и в роскоши живёт достойно. Все получают подарки за свои действия: нет греха — есть действия. И кто получит за них хороший подарок, а кто нет — определит Бог.

После этих слов было ещё много разговоров; они шли вместе с этим мужчиной. Следует сказать, что звали его Андреем Ставриным; был этот человек не одинок, как можно подумать, — имел двоих детей. А знания такие получил, пройдя через все пути, познав всё — от рая до мокши. Они ещё долго шли, пока не встретились с Павлом Сергеевичем.

IV

Когда к Павлу Сергеевичу вышли Самойлов с ещё каким-то мужчиной, он подумал, что надо идти: всё это никак не вписывалось в план поездки. Да и Дэниэл уже несколько раз звонил Василию.

— Какая встреча, Павел Сергеевич! — прокричал Самойлов.

Но Хайдер попятился и хотел уходить.

— Честь спасаете? — спросил Ставрин. — Хотите, чтобы и вас лев во сне немного поцарапал? А он может. Что у вас там, в багажнике? Не позорьте святой лик!

Это окончательно испугало старика: он добежал до парковки и прыгнул в машину, бросив крестик. И Василий с Павлом поехали в западном направлении. Павлу Сергеевичу хотелось кричать от всего увиденного; нервы подводили его нечасто — напротив, это был человек спокойный. Но сейчас он был в особенном расположении духа.

V

Возле квартиры его уже ждал Дэниэл.

— Прекрасная работа, — поблёскивая глазами, отрезал англичанин.

Они зашли в дом; Василий занёс икону Богоматери.

Раскрыв пакет, они увидели её во всём величии и красе. Краска была чуть потёрта, латунь чуть закоптилась возле рамки, но икона была в превосходном состоянии.

— Оцените находку, мастер!

И тут начался подробный разбор всех деталей от Павла Сергеевича — вплоть до того, кто молился и в какую погоду.

— Прекрасная находка! Вот вам пятьдесят одна тысяча, как и обещал. Я свои обязательства исполняю.

— Благодарю вас!

— А теперь, когда все обязательства с вашей стороны исполнены, приступим к исполнению обязательств с моей. Завтра за вами приеду лично я — моих посредников не будет. Выходить будет не нужно и крайне опасно! В десять вечера будьте готовы ждать меня в своей квартире.

Он ушёл по-английски.

Теперь для Павла наступала свобода. Можно было позволить себе все вольности, что скрывались здесь. Но нужно было собрать вещи, и этим Павел занимался целые сутки.

После этого дня он лёг на свою кровать и заснул.

Он увидел, что сидит на избе. Изба вся продавилась, и от прошлых владельцев осталась лишь посуда. Всё вымерло; по ноябрьскому загнившему полю гулял ветер, ни души не было. Вдруг к нему подошёл обугленный мертвец.

Он был в крестьянской одежде; сильно потрёпанные лапти и рваные чёрные одежды обвисли на нём.

— Чем я молиться буду, окаянный? Где Мать?! — завопил крестьянин.

— Отойди, Никифор! — прибежала женщина с серпом. — Вот твой Василий, — сказала она и поднесла серп к горлу. Сама она была одета в лёгкое белое платье; её длинные чёрные волосы стелились по земле.

И тут Павел увидел Василия Стужева. Женщина косым ударом отрезала серпом его голову, поднесла её к себе и выпила капающую кровь.

Обугленный крестьянин своими фиолетовыми костями обнял эту женщину, по которой текла алая кровь.

— А ты тоже Мать продал англичанам? — закричала женщина, и Павел проснулся.

VI

Весь свой последний день Павел Сергеевич потратил на сборы. Ему на самом деле было страшно.

«Я, может, что-нибудь не так сделал? А я кому-то сделал плохо? Я ведь действительно предал сначала одно, потом другое, а потом и себя самого! Сам себя продал! Кому, за какие деньги? Мелочь!»

Он постарался заглушить всё глотками виски, оставленного Дэниэлом.

Ум потихоньку пришёл в порядок.

«Ну всё, крестик-то я переступил! И переступил давно — в душе, когда продал его на лекции, а теперь переступил и телесно! Но дороги назад нет! Я её утопил в крови!»

И тут ему вспомнились женщина с серпом и человек с львиной головой; ему стало страшно. Судороги затрясли рот, он начал молча рыдать. Сердце его разрывалось. Он смотрел на себя в зеркало и бил его ногой; в итоге оно упало и разбилось вдребезги. На кухне он нашёл нож — странная мысль промелькнула в его голове. Но он сделал ещё глоток виски, и разум снова пришёл в норму. У него будто выросли клыки, а разум отвердел; в сумерках он ждал Дэниэла.

VII

Англичанин зашёл в квартиру с разбитым зеркалом и собранными вещами; большой жёлтый багаж уместился в центре комнаты.

— Пора! — сказал Дэниэл. — Василий Иванович умер, поэтому вашим водителем буду тоже я.

— Какой кошмар! Отчего же?

— Да вроде бы остановка сердца. Но лирических отступлений это дело не примет. Вы либо остаётесь ни с чем в этом мире, ещё и с уголовным делом, либо живёте и процветаете, зная, что сейчас всё хорошо, а где-то вы сотворили очень много приятнейших гадостей.

И они сели в машину среди ночной глуши; только рёв чёрного автомобиля мог колыхнуть воздух.

Перед тем как высадить историка в аэропорту, Дэниэл предупредил его:

— Итак, это ваши билеты. Пока ничего не обнаружили, и вы можете спокойно проходить паспортный контроль, ни за что не опасаясь. Сначала в Стамбул, а уже потом в Хитроу — ничего не перепутайте. Как долетите, вы должны позвонить мне.

— Весьма вам благодарен!

VIII

Павел зашёл в здание аэропорта; его окружили огромные рекламные вывески. Странно было наблюдать, как в ночной тиши встречает тебя здание аэропорта, которое светится так всегда.

Всё прошло легко и успешно: Павла Сергеевича проверили и разрешили лететь. Несмотря на страх у поста таможни, он был допущен к полёту.

И полёт прошёл хорошо. Окна иллюминаторов озарились светом июньского солнца — Стамбул.

После короткой пересадки Павел зашёл на британский борт и сразу почувствовал этот колониальный запах. «Вот он-то и доставит меня!»

И доставил. Лондон на редкость встретил ясной погодой. Следовала поездка в метро: маленькие райончики, кирпичные домики — всё для нас непривычное. Люди какие-то... Да, в общем, как и везде.

Но куда заселяться? Дом ведь ещё обещали. Последовал звонок.

— А, Павел Сергеевич! Ну как вам у нас?

— Да всё идеально. Только где же мой дом?

— Итак, ваш дом находится по адресу: улица Бедности, сорок шесть.

— Вы шутите! — завопил историк. — Я вам не для того ворава...

— Голубчик, вы теперь в Англии — чего вам ещё надо?

И Дэниэл положил трубку...

Катился вечер, который Дэниэл проводил у камина, читая аристократические газеты, а Павел Сергеевич — в хостеле, считая, сколько у него осталось денег. От безысходности ему хотелось бежать, но было некуда.

Он засыпал...

Появился рыцарь с тем же кольцом. «Довольны?» — спросил Дэниэл.

Крестоносец Дэниэл снял свой страшный шлем и пошёл на виселицу.

— Этого лично зарублю я! — приказал Невский.

Он взмахнул мечом; в этот момент Павел Сергеевич увидел лицо Дэниэла — напуганное и мечущееся.

Меч ударом пришёлся на голову, и красная его голова покатилась по свежему снегу. Рука с перстнем осталась лежать у бревна, залитого кровью.

Александр Невский снял перстень, вознёс меч и разрубил кольцо. От него во все стороны разошлись брызги грязи.

— А остальных крестоносцев — на виселицу! — приказал князь.

Павел Сергеевич проснулся от какого-то столпотворения.

— Кого-то сбили!

На земле лежало тело с перстнем тамплиеров.

После того утра потянулись дни, серые и одинаковые, как кирпичи здешних домов. Деньги таяли: пятьдесят одна тысяча, обращённая в фунты, оказалась суммой до смешного маленькой. Павел Сергеевич пробовал звонить — Дэниэлу, ещё каким-то людям, чьи номера были записаны у него на

конверте, — но телефоны молчали или отвечали чужими голосами: no such person⁴. Он пошёл было в посольство — его не пустили дальше ворот. Пошёл в один университет предлагать лекции о ливонском рыцарстве; его даже выслушали, и даже покивали, и сказали: we will contact you⁵. Не связался никто.

Однажды вечером он попытался написать письмо тётке. Вывел: «Здравствуй...» — и больше ничего не вывел. Куда писать? В монастырь? Что писать? Он скомкал листок и долго сидел, глядя на свой мизинец, на котором уже не было никакого кольца — и никогда, если подумать, не было.

⁴ Такого человека здесь нет (*англ.*)

⁵ Мы с вами свяжемся (*англ.*)

IX

Что можно сказать о других?

Тётка Павла Сергеевича ещё долго служила в монастыре, жалея своего единственного родственника. А потом умерла.

Делом Хайдера всерьёз заинтересовались и даже успешно раскрыли.

Иван Самойлов получил историческое образование и собирается идти в магистратуру; кстати, недавно у него родился сын. Они часто встречаются со Ставриным — тот теперь ему как учитель. А Павел Сергеевич читал свои уличные лекции до последнего дня. Под конец на них приходили мигранты, но чаще — крысы и клопы. Он окончательно потерял рассудок и умер спустя два месяца скитаний в нищете.